

- Брат Цинь, кажется, тебя кто-то зовет.

Цинь Ся как раз сопровождал Юй Цзюцюэ, разглядывая шкатулки для украшений у уличного торговца. Эти деревянные изделия, покрытые лаком, не отличались изысканностью, но внутри имели несколько маленьких выдвижных ящичков и зеркальце.

Шкатулки приглянулись Цинь Ся, и он уже собирался поторговаться, когда почувствовал легкий хлопок по плечу.

Обернувшись, он увидел Вэй Чао, который указал в сторону старика. Цинь Ся взглянул туда и тут же улыбнулся.

— Старик, не ожидал встретить вас здесь!

— А я о чем? Это ведь судьба!

Тем временем тележка с тангулу подъехала к обочине. Цинь Ся и Юй Цзюцюэ первыми направились к старику. Хотя Вэй Чао и Цао Ашуан не поняли, что происходит, но, будучи частью компании, последовали за ними.

Старик, не теряя времени, достал из своей тележки восемь шпажек тангулу: четыре с плодами боярышника и четыре с ямсом.

— Давайте, угощайтесь!

Вэй Чао и Цао Ашуан удивленно переглянулись, обнаружив, что сладости предназначены и для них. Вэй Чао, озадаченно нахмурившись, спросил:

— Брат Цинь, что это значит?

С чего бы вдруг кто-то угощал их бесплатно?

Цинь Ся в двух словах объяснил предысторию. Оказывается, в тот день он мимоходом высказал старику предложение, даже не рассчитывая, что тот воспримет это всерьез. Ведь в глазах пожилого человека он, скорее всего, выглядел просто юнцом, ничего не смыслящим в жизни.

Но, к удивлению Цинь Ся, старик не только принял совет, но и сдержал свое слово.

— Отличная вещь, — с энтузиазмом пояснил старик. — Тогда я вернулся домой, нашел мешок мелкого ямса, который мне привезли из родных краев, обвалял их в сахаре, как ты и говорил, и попробовал. Моим детям очень понравилось! И вот, в первый день Нового года, я вышел с этим

угощением на продажу. Всего сделал пятьдесят шпажек, и больше половины уже раскупили!

Даже Цинь Ся не смог устоять перед таким щедрым предложением. После долгих уговоров он согласился взять две шпажки с боярышником и две — с ямсом.

— Больше все равно не съем, так зачем тратить попусту? Пусть у вас останется, продадите и заработаете, — с улыбкой сказал он старику.

Старик потер руки, старая кожа на лице, обветренная до ярко-красного цвета, выдавала его волнение, но в глазах светился азарт. Для него эта встреча оказалась не просто уроком о новом способе заработка, а настоящим озарением.

Продавать тангулу он привык годами, думая, что только боярышник годится для этого. Но теперь он знал, что и мелкие клубни ямса можно покрывать карамелью. А что насчет других продуктов? Летом и осенью, когда поспевают плоды, он собирался запастись и попробовать карамелизовать финики, яблоки-грушовки и прочие фрукты. А еще в деревне на горных склонах растут дикие ягоды размером с палец. Их кислый вкус в свежем виде отпугивает, но если окунуть в сахар, то, пожалуй, продать их будет не проблема!

Перед уходом старик специально предупредил:

— Помни, если захочешь сладостей — иди ко мне! Бесплатно угощу!

При этом он напустил на себя суровый вид, словно намекал, что если Цинь Ся решится купить тангулу у кого-то другого, он всерьез обидится.

Цинь Ся, сжимая в руке четыре шпажки с угощениями, учтиво проводил старика.

— Старший брат Вэй, сестра Ашуан, вот, держите, угощайтесь.

Он обернулся и протянул им по одной шпажке с боярышником и ямсом.

Муж с женой охотно приняли угощение. Между супругами делить еду — дело обычное, так что каждому из них досталось попробовать оба варианта.

— Ну, мы тогда не будем скромничать, — засмеялся Вэй Чао, принимая шпажку. При этом он с удивлением покачал головой, — Удивительно, конечно. Пара твоих слов, а старик так обрадовался, будто улыбка у него вот-вот с затылка покажется.

Иногда ему было странно, как при одинаковом количестве глаз и мозгов только у Цинь Ся в голове рождаются такие идеи?

Цинь Ся, передав Юй Цзюцюэ шпажку с ямсом, улыбнулся:

— Просто тогда мне это вдруг пришло в голову. Я же не зарабатываю на продаже сладостей, так что просто упомянул об этом. И кто бы мог подумать, что он примет это всерьез? Пусть будет нашей доброй связью.

Вэй Чао восхищался, но не испытывал зависти. После еще пары комплиментов он съел пару ягод боярышника, а потом попробовал ямс со шпажки своей жены. Хотя сладкое он обычно не любил, сегодня вдруг почувствовал, что вкус действительно стоящий.

Цао Ашуан весело добавила:

— Раньше я думала, что ничего вкуснее карамельного боярышника нет. А теперь попробовала этот неприметный ямс — и он, кажется, даже превзошел привычный вкус!

Особенно это понравилось девушке, ведь ее аппетит был небольшим. Обычно, покупая тангулу с боярышником, она съедала пару ягод и чувствовала себя почти сытой. Даже самое вкусное теряет очарование, когда наедаешься.

Ямс же был совсем другим. Маленькие кусочки съедались в один миг, и целая шпажка успевала утолить желание сладкого, не утяжеляя. Съесть ее до конца было не просто приятно, а почти необходимо.

Цинь Ся вместе с Юй Цзюцюэ тоже съели свои две шпажки. Когда они собирались идти дальше, Цинь Ся вдруг вспомнил о шкатулке, которую недавно присмотрел. Хотя это была лишь мимолетная остановка у ларька, теперь он твердо решил ее купить. Юй Цзюцюэ, заметив это, поспешил сказать, что ему шкатулка не очень нравится. Лишь тогда Цинь Ся отступился от своей идеи.

Гер незаметно выдохнул с облегчением. Муж у него, конечно, замечательный, но уж слишком щедрый. Эта улица, сплошь заполненная лавками и лотками, растянулась с юга до севера. Стоило ему хоть чуть дольше взглянуть на что-то, как Цинь Ся тут же решал это купить. Если бы он его не останавливал, к первому дню Нового года они бы разорились!

Он уже успел удержать его от покупки шкатулки для украшений, заколки с жемчугом, ароматного саше... Но не ожидал, что он встретит юного охотника.

— Молодой человек, на этот раз что хорошего удалось добыть? — с улыбкой обратился Цинь Ся.

Перед ними стоял тот самый юноша, который однажды продал ему кролика. Цинь Ся как раз размышлял, чем бы разнообразить праздничный стол, и встреча с охотником показалась удачным шансом.

Молодой охотник сегодня выехал из деревни позднее обычного. Он оглядывался, ища место, где разложить товар. Услышав слова Цинь Ся, он тут же понял, что это тот самый клиент, который однажды поддержал его торговлю. Поэтому он вежливо ответил:

— Моя мать простудилась в канун Нового года, начался сильный кашель. Я приехал в город за лекарствами и заодно привез немного добычи: несколько кроликов, пару вяленых диких кур и немного сушеной оленины, чтобы выручить денег на лекарства.

Цинь Ся сразу все понял. Вероятно, юноша собирался сделать перерыв на праздники, а потому заранее обработал дичь, чтобы ее можно было продать позже, не рискуя потерять товар.

Свежую дичь нужно разделывать и готовить на месте, что было неподходящим при наличии в компании Юй Цзюцюэ и Цао Ашуан. Сушеная оленина, хоть и редкость, пока тоже была ему не по карману.

— Покажи-ка мне вяленую курицу, — предложил Цинь Ся.

— Хорошо, — кивнул охотник.

Он снял с плеч ношу, наклонился и убрал слой сухой травы, прикрывавший корзину. Затем достал из нее одну из кур. Зимние дикие куры, конечно, не такие упитанные, как летние, а после вяления и вовсе кажутся вдвое меньше обычного. Цинь Ся внимательно осмотрел товар. Курицу обработали очень чисто, так что дома не придется прилагать больших усилий, чтобы приготовить ее.

Довольный, он спросил:

— Сколько всего у тебя кур? И сколько за одну?

— Всего четыре, все примерно одного размера. За одну — сто пятьдесят вэнь, — ответил юноша.

— А если я заберу все четыре?

Глаза охотника округлились от удивления, на лице появилась радость. Он почесал затылок и, обдумав предложение, сказал:

— Если вы возьмете все, то за одну шкуру десять вэнь. Больше уступить не могу — зимой дичь трудно добывать, а вяленая стоит дороже свежей. Но раз уж мне нужно поскорее купить лекарства и вернуться домой, то пусть так. Иначе я бы за такую цену не продал.

Те, кто занимается бизнесом, всегда должны быть готовы к торгу и уметь подобрать нужные

слова. Цинь Ся слегка улыбнулся. Цена его устроила, и он решил не тратить лишние слова на переговоры. Завидев, что он кивнул, юноша, боясь, что покупатель передумает, поспешно достал пучок соломы и ловко связал лапы четырех кур. Затем, словно желая выразить благодарность, он вытащил горсть ярких перьев фазана.

— Это перья, которые я специально отбирал во время охоты. Обычно я продаю их по одной монете за пару, но сегодня дарю вам несколько. Нарезьте их и сделайте волан для игры. Очень красиво выйдет, — пояснил он с улыбкой.

Цинь Ся взял перья и передал их Юй Цзюцюэ. Всего их было десять. Юй Цзюцюэ разделил их пополам и отдал половину Цао Ашуан.

Цао Ашуан редко видела такие вещи. Она подняла одно перо к свету, повертела пару раз и радостно воскликнула:

— Какое красивое! Брат А-Цзю, а ты умеешь играть воланчиком? Как сделаешь, я приду к тебе играть!

Пока они с воодушевлением обсуждали, как играть воланчиком, Цинь Ся уже доставал деньги, чтобы расплатиться. Его взгляд случайно упал на чистый узелок в корзине юноши, из которого выглядывал угол меха.

— У тебя там, случайно, не шкуры на продажу? — поинтересовался он.

Этот вопрос напомнил ему о словах Юй-гера, который когда-то говорил о шапке из заячьей шкуры. Если найдется подходящая, ее стоило бы купить. Охотникам редко удается добыть хороший мех.

Юноша заметил интерес в глазах Цинь Ся, вытер руки и развернул узелок.

— Да, у меня есть немного шкур. Собирался продать их портному. Хотите взглянуть?

В узелке лежало несколько хорошо выделанных шкур кролика — две серые и две белые. Мех был гладкий, без единого пятна. Ветер слегка подул, и мех закачался, переливаясь, словно шелк. Не только Цинь Ся заинтересовался, но и Вэй Чао подошел поближе. Он давно хотел купить меховые воротники для матери и жены. Готовые в лавке стоили бы семь-восемь серебряных цяней за штуку, а купив шкуры и сделав дома, он сэкономил бы большую часть.

Они с Цинь Ся решили взять по две шкуры. Юй Цзюцюэ сам шить не умел, но сделать шапку из одной шкуры он собирался попросить Фан Жун. Другую планировал подарить крестной матери.

Юноша-охотник, услышав, что обе пары шкур собираются купить, чуть не поклонился обоим, называя их благодетелями. В результате четыре шкуры были проданы по цене двухсот вэней за

штуку. Юноша получил более одной лян серебра — только половина товара была продана, а на лекарства деньги уже нашлись. Цинь Ся и Вэй Чао тоже остались довольны. Они наконец приобрели то, о чем давно мечтали.

С покупками в руках они неспешно прошли весь рынок и направились домой. У ворот Цинь Ся, перед тем как разойтись, отдал одну из диких кур Вэй Чао.

— Мы ведь соседи, встречаемся на каждом шагу, так что специально заходить к дяде и тете на праздник я не стану. Вот эта курица — небольшой знак внимания. Возьмите, съешьте дома.

После этих слов начался неизбежный обмен любезностями, что всегда вызывало у Цинь Ся легкое раздражение. Опасаясь, что разговор затянется и привлечет к двери Гэ Сюэхун, он решил действовать быстро. Воспользовавшись своими длинными ногами, он в два шага достиг порога дома Вэй, поставил курицу на ступеньки и, схватив за руку Юй Цзюцюэ, поспешил скрыться.

— Дверь закроется, и хоть не бери, а придется взять! — усмехнулся Цинь Ся.

Юй Цзюцюэ сперва не понял, что происходит. Но, оказавшись дома, все осознал и, расплывшись в улыбке, заметил:

— Даже если ты уже подарил курицу, старший брат Вэй наверняка ответит ответным подарком.

Цинь Ся лишь покачал головой:

— Пусть отвечает, я не стану затягивать это препирательство.

Такие обычаи были излюбленным занятием старших поколений. Цинь Ся вспомнил, как в детстве ходил с родителями на праздники. На людях родители отказывались принимать деньги, но родственники всегда находили способ — могли даже сунуть конверт в щель окна машины. Теперь, вспоминая эти эпизоды, он не мог сдержать теплую улыбку.

Как и предполагал Юй Цзюцюэ, к вечеру Вэй Чао действительно явился с ответным визитом. Он принес два больших куска рисового пирога, сетку с мандаринами и шелковый платок.

— Мандарины и платок привез мой младший брат с юга, — пояснил он. — Мандарины гораздо слаще, чем те, что продаются у нас на рынке. А платок — это Ашуан специально для брата А-Цзю выбрала. Возьмите все, не стесняйтесь.

Этот ответный подарок оказался куда дороже, чем ожидал Цинь Ся. Но Вэй Чао оказался хитрее: добавив, что платок выбрала Цао Ашуан, он лишил Цинь Ся возможности отказаться от самой ценной вещи.

Принеся подарки домой, рисовые пироги они отложили в кухню для завтрашнего завтрака. Мандарины стали угощением прямо сейчас: стоило снять кожуру, как сок сочился из них, а сладость оставляла приятное послевкусие. А платок из небесно-голубого шелка с вышитыми орхидеями Юй Цзюцюэ аккуратно убрал в шкатулку.

— По правилам, я тоже должен был бы вернуть сестре Ашуан платок. Но на мою вышивку даже смотреть стыдно, а купить в лавке что-то лучше этого платка вряд ли получится, — с ноткой беспокойства произнес Юй Цзюцюэ.

Цинь Ся, передавая ему дольку очищенного мандарина, успокоил:

— Раз уж платок привез Вэй Си, то у сестры Ашуан наверняка уже есть другой. Они ведь из одного комплекта. Не стоит ломать голову из-за этого.

Юй Цзюцюэ кивнул, соглашаясь с его доводами.

Шелковые платки и драгоценные камни с юга оказались настолько утонченными, что дарить свой платок было бы уже неуместно.

Юй Цзюцюэ открыл рот, чтобы поймать следующую дольку мандарина, и едва успел проглотить, как новая оказалась у его губ. Раньше Цинь Ся тоже заботился о нем, но никогда не проявлял такой трогательной заботы.

Юй Цзюцюэ моргнул, вспоминая прежние дни, и понял, что Цинь Ся, вероятно, долгое время скрывал свои чувства. Это подтвердило его собственные тревоги и надежды — их связь была взаимной, а не односторонней.

Они вдвоем съели два мандарина, разделив их долька за долькой. Когда несколько кусочков кожуры упали на пол, Дафу тут же ловко их подхватил и проглотил, вызвав у обоих смех.

— А гусям можно есть кожуру от мандаринов? — удивился Юй Цзюцюэ.

Цинь Ся, с чуть большим опытом в таких делах, задумался:

— Наверное, можно.

В деревне, где он вырос, гуси ели все подряд, кроме мяса. Впрочем, кормить гуся только кожурой было бы жалко, поэтому Юй Цзюцюэ отдал Дафу две дольки мандарина. Гусь с радостью принял угощение и, съев его, радостно загоготал:

— Га! Га!

Невозможно было понять, чувствует ли он вкус, но выглядел он явно довольным. После этого гусь махнул крыльями, пробрался головой через слегка приоткрытую дверь и вышел во двор, чтобы продолжить свои игры.

На следующее утро, второго дня праздника, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ, приведя себя в порядок и прихватив подарки, отправились поздравлять с праздником.

Первым местом их визита стал дом управляющего Син Имина. За последние два месяца он не раз оказывал их скромной уличной торговле заметную поддержку. С учетом разницы в возрасте и статуса, посещение его дома в праздник было обязательным.

Однако у знатных семей праздники всегда связаны с множеством визитов, ритуалов и гостей. Обычно перед посещением таких домов следовало отправить визитную карточку и узнать, смогут ли они принять гостей.

Цинь Ся передал через привратника подарок и свою визитку. Узнав, что семья Син Имина уехала к родственникам, он не удивился. Попросив передать подарок и вручив привратнику несколько монет, он с Юй Цзюцюэ направился дальше.

«Гань Юань Чжай» — старинный магазин, известный в городе несколькими поколениями. Большинство посетителей были зажиточными торговцами или владельцами лавок, и на их фоне одежда Цинь Ся выглядела бедновато. Но даже несмотря на это, привратник не осмелился пренебречь двумя аккуратно упакованными корзинами с красной бумагой.

Все знали, что хозяин Син Имин — гурман и ценитель местной кухни. Если ему понравится, кто угодно, даже уличный торговец лепешками, мог рассчитывать на теплый прием.

Привратник вспомнил случай, когда мелкий торговец принес две банки какой-то пасты. Пахло странно, выглядело непрезентабельно, и предыдущий привратник забросил их в угол, где они в итоге заплесневели. Позже выяснилось, что это была дорогая креветочная паста, специально приготовленная в подарок для Син Имина.

Прежний привратник за тот случай с креветочной пастой получил серьезный выговор. Ему урезали жалованье на полгода и отправили на грубую работу в задний двор.

Нынешний привратник, помня эту историю, невольно вздрогнул, сразу позвал мальчишку-служку и приказал:

— Отнеси корзины в особую кухню, где готовят для старшего дома. И смотри, не оставляй их в теплом месте! Вдруг там еда, испортится — всем нам попадет!

Мальчишка, зная характер хозяина Син Имина, кивнул и быстро побежал в указанное место.

Позже, вечером, когда Син Имин вернулся домой и заглянул в корзины, он нашел там пакет с новогодними деньгами для Син Юань и несколько изысканных закусок, которые Цинь Ся приготовил специально для него. Син Имин был приятно удивлен, но это уже другая история.

Тем временем Цинь Ся и Юй Цзюцюэ зашли домой, забрали вторую корзину с подарками и отправились в дом семьи Лю на улице Цзытан.

— Крестная! — позвал Цинь Ся, стоя у двери.

Вскоре на пороге появился Лю Доуцзы, одетый в новенькую ватную куртку.

— Мама только что про вас говорила, а вы уже тут как тут! На улице холодно, заходите скорее!

Лю Доуцзы принял из рук Цинь Ся и Юй Цзюцюэ их подарки, отодвинул занавеску и проводил гостей в дом. Войдя внутрь, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ увидели, что в доме царило оживление. В гости на Новый год пришли две тетушки Лю Доуцзы.

Отец Лю Доуцзы, единственный сын в своей семье, давно скончался. Но, несмотря на это, Фан Жун продолжала поддерживать отношения с его родней. Лю Доуцзы, как старший внук в своем поколении, оставался значимой фигурой в семье. Даже будучи вдовой, его мать сохраняла свое уважение и статус.

Цинь Ся, как ее крестный сын, раньше несколько раз встречался с этими двумя тетушками. Однако в прошлом его считали бесполезным человеком, неспособным ни на что серьезное. Родные семьи Лю убеждали Фан Жун не вмешиваться в дела семьи Цинь.

Теперь же ситуация изменилась. Цинь Ся женился на Юй Цзюцюэ, начал зарабатывать, да еще и вовлек в свое дело Лю Доуцзы. Слухи о том, что они собираются открыть закусочную после праздников, доходили до всех. Теперь все смотрели на него с уважением, ведь он мог добиться большого успеха.

После бурных приветствий с новогодними пожеланиями Цинь Ся и Юй Цзюцюэ, как младшие, уселись на табуретках у печи вместе с Лю Доуцзы.

Фан Жун представила Юй Цзюцюэ двум своим золовкам:

— Это А-Цзю, супруг Цинь Ся. А-Цзю, это твои две крестные тетушки — старшая и младшая.

Юй Цзюцюэ поднялся, почтительно поклонился и по очереди обратился к ним:

— Здравствуйте, крестные тетушки.

Еще при жизни родителей Цинь Ся семьи Лю и Цинь поддерживали теплые отношения. В свое время он называл крестными не только Фан Жун и ее мужа, но и ее родителей. Поэтому сейчас, когда Юй Цзюцюэ стал частью семьи, его обращения никого не удивляли.

Старшая из золовок, Лю Пин, женщина с полным, добродушным лицом, славившаяся своим умением сватать, тут же подвинулась на печи, чтобы освободить место рядом с собой.

— Садись сюда, тут теплее. Эти холодные табуретки пусть мужчины занимают, а мы, женщины, должны следить за комфортом.

Юй Цзюцюэ с благодарностью принял ее приглашение и сел рядом с Фан Жун на краю печи.

После обмена приветствиями семья продолжила обсуждать самое важное — свадьбу Лю Доуцзы.

Однако первой заговорила не Лю Пин, а младшая золовка, Лю Цуй.

— Старшая сестра, невестка, ну что вы все твердите об этом гере из семьи Мэн? Еще и дело не решено, а вы будто заикнулись на одном варианте! Я вот что скажу: почему бы сразу не посмотреть обе семьи? Пусть Доуцзы сам выберет, кто ему приглянется. У моего мужа есть племянница, девушка хоть куда. Если можно жениться на девушке, кто станет...

Она не успела договорить, как Лю Пин незаметно ущипнула ее за руку.

— Ой! — вскрикнула Лю Цуй, собираясь возмутиться, но встретила взгляд старшей сестры, которая яростно сигнализировала ей глазами.

Лю Цуй осознала свою оплошность, и лицо ее мгновенно побледнело. Она поняла, почему ее отец и братья раньше называли ее глупой девчонкой. Разве она не поступила по-глупому сейчас? Захваченная беседой, она совсем забыла, что в комнате теперь находится Юй Цзюцюэ, который, как супруг Цинь Ся, был представителем гербов.

Смущенная Лю Цуй неловко протянула горсть семечек Юй Цзюцюэ и попыталась замять ситуацию:

— А-Цзю, не обижайся. Я просто увлеклась, слова сами слетели с языка.

Юй Цзюцюэ, приняв семечки, с внешней невозмутимостью улыбнулся и спокойно ответил:

— Хотя слова младшей тетушки звучат грубовато, в них есть правда. Лю Доуцзы называет меня старшим братом, и я искренне желаю ему найти хорошую партию, которая придется ему по сердцу.

Цинь Ся, в этот момент присевший на корточки и вместе с Лю Доуцзы, чтобы испечь сладкий картофель на маленькой глиняной печи, чуть не расхохотался. Ответ Юй Цзюцюэ был предельно вежливым, но при этом тонко уколол Лю Цуй за ее грубость.

Лю Цуй поняла намек и, обидевшись, замолчала, пересев в угол печи, где, похрустывая семечками, не проронила больше ни слова. Без ее болтовни Лю Пин, наконец, смогла обсудить с Фан Жун важное — дату встречи с семьей Мэн, чтобы официально договориться о смотринах. После того как Лю Пин и Лю Цуй ушли, Фан Жун вернулась в комнату и, извинившись перед Юй Цзюцюэ, сказала:

— Честно говоря, не знаю, хороша ли та девица, о которой говорила Лю Цуй, но я прекрасно понимаю ее замысел. Она ведь хочет, чтобы их родственница вышла замуж за Доуцзы, а потом, глядишь, Доуцзы научился бы у Цинь Ся готовить. Тогда и она, Лю Цуй, могла бы воспользоваться этим для себя.

Фан Жун искренне не хотела, чтобы ее сын связывался с семьей золовки и их делами. Однако все эти сложные семейные хитросплетения она не стала рассказывать Юй Цзюцюэ, ограничившись лишь улыбкой:

— Не обижайся на нее, она с детства такая — говорит, что на ум придет, не замечая, как часто обижает людей.

Юй Цзюцюэ, уже давно забывший о случившемся, ответил с легкой улыбкой:

— Да я и не обижаюсь. Просто не хочу, чтобы кто-то подумал, будто меня легко задеть или использовать.

— Вы для меня самые важные. Пусть у меня есть две золовки, но главное — это вы с Цинь Ся, — добавил он, глядя на Фан Жун.

Эти слова так растрогали женщину, что она буквально расцвела от радости.

Тем временем Цинь Ся вынес праздничный подарок, который из-за присутствия гостей раньше не показывали. Большая корзина была наполнена добром: коробка изысканных сладостей из «Гань Юань Чжай», одна вяленая курица, связка свинины, десяток красивых паровых булочек с цветочным узором и еще один подарок — заячья шкура.

Корзина была настолько полна, что Фан Жун, увидев ее, всплеснула руками и, потирая передник, воскликнула:

— Да вы совсем с ума сошли! Столько всего принесли, вы что, жить не хотите?!

Затем повернулась к Юй Цзюцюэ:

— Цинь Ся совсем без меры тратит деньги! А-Цзю, ты что, не можешь его одернуть?

Юй Цзюцюэ нежно приобнял Фан Жун за локоть:

— Да разве это много? Вы только посмотрите: курица да свинина — так за вечер все и съедим.

— Это не много? — ахнула Фан Жун, прекрасно зная цену этим подаркам.

Коробка сладостей из «Гань Юань Чжай» с таким оформлением, стоила не меньше шести сотен вэней! В свое время ее покойный муж покупал такие только для праздничных подарков родителям и своему тестю. И даже тогда детям не позволяли трогать эту роскошь.

А если прибавить все остальное, подарок легко стоил больше одного лян серебра!

Фан Жун подняла заячью шкуру и, ощутив ее мягкость, чуть не испугалась, что ее шершавые руки могут повредить такую нежную вещь. Все остальное она могла принять, но эту шкуру оставлять у себя никак не могла.

Быстро положив шкуру обратно в корзину, она сказала молодой паре:

— Забирайте это назад. Я всего лишь старая женщина, а Доуцзы — грубый парень, куда нам такие изыски? Отнесите ее домой и сделайте для А-Цзю либо шарф, либо головной платок, это куда полезнее.

Цинь Ся, подмигнув Юй Цзюцюэ, шутливо добавил:

— Крестная как всегда попадает в самую точку.

Юй Цзюцюэ, подыгрывая ему, улыбнулся:

— Крестная, Цинь Ся купил две шкуры, и одна из них уже для меня. Я как раз хотел сделать себе теплый воротник. Но у меня руки не из того места, боюсь испортить. Не могли бы вы помочь с этим делом?

Фан Жун смягчилась, услышав объяснение. Оказалось, шкура была куплена именно для того, чтобы сделать Юй Цзюцюэ подарок. Она вздохнула, сменив тон, и похвалила:

— Вот молодец! Знает, как заботиться о своем фулане.

После некоторых уговариваний Цинь Ся она все же согласилась принять шкуру, добавив:

— Если так, то я сделаю еще один воротник для Инцзы. Она сейчас с ребенком, ей тепло будет только на пользу.

Инцзы, старшая дочь Фан Жун и сестра Лю Доуцзы, была на поздних сроках беременности. По подсчетам, малыш должен был родиться до начала лета.

Осмотрев подарки в корзине, Фан Жун взяла коробку с угощениями и шкуру в комнату, чтобы обсудить с Юй Цзюцюэ, как лучше сшить воротники. Тем временем Цинь Ся отправился на кухню вместе с Лю Доуцзы. Сегодня он принес не только мясо и овощи, но и несколько полуготовых блюд, которые были заранее подготовлены дома. Он решил устроить праздничный ужин, чтобы Фан Жун и Лю Доуцзы могли насладиться чем-то необычным для праздника и попробовать новые угощения.

<http://bllate.org/book/13601/1206039>